ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья
УДК 1
doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-27-32

ОСЦИЛЛЯЦИЯ НАДЕЖДЫ И ОТЧАЯНИЯ: МЕТАМОДЕРНИСТСКИЙ АБСУРД КАК ПРАКТИКА НАВИГАЦИИ В ЦИФРОВОЙ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ

© *Нарине Липаритовна Вигель*[1], *Эмилиано Меттини*[2], *Ольга Юрьевна Жуковец*[3]
[1, 2]*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия;* [3]*Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск, Россия*
[1]*22nara@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается трансформация феномена абсурда в культуре метамодерна и его роль как инструмента навигации в условиях цифровой гиперреальности. Анализируется переход экзистенциального кризиса из приватной сферы в публичную, исследуя механизмы экстернализации внутренних состояний и коммодификации аффекта в рамках экономики внимания. Особое внимание уделяется концепции «игры в отчаяние», которая выступает формой экзистенциального хакерства и защитным механизмом против тотальной симуляции. Вводится и обосновывается понятие «надежды после деконструкции» – не как телеологической гарантии, а как этического жеста и динамической осцилляции между смыслом и бессмыслицей. Работа опирается на идеи С. Кьеркегора, Ж. Деррида и М. Хайдеггера, адаптируя их к анализу субъективности в постиндустриальном обществе. Резюмируется, что метамодернистская осцилляция становится способом сохранения агентности и аутентичности личности в мире, лишенном метафизической страховки.

Ключевые слова: метамодерн, абсурд, экзистенциальный кризис, гиперреальность, осцилляция, цифровая культура, коммодификация аффекта, деконструкция надежды, аутентичность.

Для цитирования: Вигель Н.Л., Меттини Э., Жуковец О.Ю. Осцилляция надежды и отчаяния: метамодернистский абсурд как практика навигации в цифровой гиперреальности // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 117. № 4. С. 27-32. doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-27-32

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Oscillation of hope and despair: metamodernist absurdity as a practice of navigation in digital hyperreality

© *Narine L. Wiegel*[1], *Emiliano Mettini*[2], *Olga Yu. Zhukovets*[3]
[1, 2]*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation;* [3]*Admiral F.F. Ushakov state maritime university, Novorossiysk, Russian Federation*
[1]*22nara@mail.ru*

Abstract. The article examines the transformation of the phenomenon of the absurd in the culture of metamodernity and its role as a navigation tool in the context of digital hyperreality. The transition of an existential crisis from the private to the public sphere is analyzed, exploring the mechanisms of externalization of internal states and the commodification of affect within the framework of the attention economy. Special attention is paid to the concept of the "desperation game", which acts as a form of existential hacking and a defense mechanism against total simulation. The concept of "hope after deconstruction" is introduced and justified – not as a teleological guarantee, but as an ethical gesture and dynamic oscillation between meaning and nonsense. The work is based on the ideas of S. Kierkegaard, J. Derrida and M. Heidegger, adapting them to the analysis of subjectivity in a post-industrial society. It is summarized that the metamodern oscillation is becoming a way to preserve agency and authenticity of personality in a world devoid of metaphysical insurance.

Key words: metamodernism, absurd, existential crisis, hyperreality, oscillation, digital culture, commodification of affect, deconstruction of hope, authenticity.

For citation: Wiegel N.L., Mettini E., Zhukovets O.Yu. Oscillation of hope and despair: metamodernist absurdity as a practice of navigation in digital hyperreality. *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 117. No 4. P. 27-32. doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-27-32

Введение

В культуре метамодерна абсурд проявляется как иронический инструмент навигации в гиперреальности, который не просто констатирует бессмысленность бытия, а обнимает ее, превращая в эстетический жест. Метамодернистский абсурд – это не отчаяние Камю, а скорее осознанная игра в отчаяние, которая строит смыслы, зная об их условности; вера в нарративы, понимая их искусственность. И это амбивалентное сознание одновременно серьезное и ироничное – становится новой формой подлинности.

В эпоху цифрового перенасыщения абсурд становится защитным механизмом тогда, когда все превращается в симулякр, реальность растворяется в медийных потоках, абсурдная игра становится единственным способом сохранить агентность. Возникают мемы о бессмысленности существования, проявляющиеся в экзистенциальных кризисах в сторис, что превращает онтологическую тревогу в контент.

Обсуждение

Феномен экзистенциального кризиса в условиях современной цифровой публичности представляет собой междисциплинарную проблему, находящуюся на стыке социальной психологии, феноменологии и медиаисследований. В рамках классической экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр) кризис самоидентификации рассматривался как интимный процесс утраты онтологических оснований бытия, требующий уединения и внутренней рефлексии. Однако современная культура «радикальной прозрачности» трансформирует этот процесс, выводя его в публичную плоскость.

Одним из ключевых аспектов является *экстернализация внутренних состояний*. Цифровая среда диктует необходимость постоянного подтверждения существования через контент. В этом контексте экзистенциальный тупик – потеря смысла, страх смерти или осознание абсурдности перестает быть сугубо внутренним актом и превращается в социальный перформанс. Публичное предъявление кризиса служит инструментом валидации: индивид нуждается в социальном одобрении своих страданий, чтобы убедиться в их реальности.

Другим важным фактором выступает *коммодификация аффекта*. В рамках экономики внимания экзистенциальные переживания становятся ценным ресурсом. Алгоритмы социальных сетей предпочитают контент с высокой эмоциональной интенсивностью, что может привести к «драматизации» кризиса. Происходит парадоксальное смещение: искренний поиск смысла заменяется его имитацией в рамках определенного сетевого канона. Кризис превращается в товарный знак или элемент личного бренда, что потенциально препятствует его подлинному разрешению.

Особого внимания заслуживает феномен *коллективного совладения*. Публичное обсуждение экзистенциальных проблем снижает порог стигматизации психических состояний и способствует формированию сообществ по принципу «разделенного страдания». Это создает эффект социальной поддержки, однако несет риск упрощения глубоких философских вопросов до уровня терапевтических клише. Публичность навязывает индивиду определенный сценарий выхода из кризиса, лишая его возможности пройти уникальный путь.

Таким образом, переход экзистенциального кризиса из приватной сферы в публичную меняет саму структуру переживания, что становится менее герметичным и более зависимым от внешних реакций, что ставит вопрос о сохранении аутентичности личности в условиях постоянного наблюдения. Исследование этой динамики требует системного анализа того, как цифровые медиа переопределяют границы субъективности и механизмы поиска жизненных смыслов в постиндустриальном обществе.

Новый абсурд культуры метамодерна – не отрицание смысла, а его умножение. Постоянное присутствие колебательной искренности: то погружаясь в глубокие переживания, то

отстраняясь от них с ироничной улыбкой. Здесь можно плакать над трагическим фильмом и тут же шутить о нем в соцсетях – и оба этих жеста будут одинаково подлинными.

Культура метамодерна превращает абсурд в метод познания. Через преувеличение, через доведение логики до предела нелепости, через игру с конвенциями мы пытаемся нащупать контуры чего-то настоящего в мире, где все стало представлением.

Абсурд как современный феномен можно охарактеризовать как превращение внутренней трагедии в перформанс, где «игра в отчаяние» становится не просто способом пережить боль, но и инструментом социальной навигации. В этом контексте абсурд перестает быть тупиком и превращается в метод познания, вскрывающий механизмы симуляции искренности.

Умножение смысла через абсурд

Когда индивидуальный кризис сталкивается с алгоритмами коммодификации, возникает избыточность смыслов. Абсурд здесь выступает как защитная реакция и аналитический фильтр. Если реальность предлагает только готовые терапевтические клише, субъект может прибегнуть к радикальной иронии или гиперболизации своего состояния. При стремлении к бесконечности, индивидуальное значение стремится к превращению в чистый шум, что и порождает ощущение абсурдности происходящего.

Игра как деконструкция

«Игра в отчаяние» позволяет индивиду дистанцироваться от навязанных сценариев «выхода из кризиса». Принимая правила публичности, но наполняя их гротескным содержанием, человек разоблачает искусственность сетевых канонов. Это своего рода экзистенциальный хакерство:

– *Имитация как протест*. Использование клише в гипертрофированном виде подчеркивает их пустоту.

– *Отказ от катарсиса*. В отличие от классической драмы, цифровая игра в отчаяние часто не предполагает финала, фиксируя состояние кризиса как перманентный процесс самопрезентации.

– *Эстетизация хаоса*. Перевод страдания в категорию эстетического объекта позволяет сохранить частичную автономию, защищая «герметичное я» от полного поглощения публичной сферой.

Сохранение аутентичности

В условиях, когда каждое действие может быть монетизировано или превращено в контент, поиск подлинного смысла смещается в область «невыразимого». Аутентичность в постиндустриальном обществе начинает проявляться не в том, что человек транслирует, а в том, что он сознательно оставляет за рамками кадра. Абсурд как метод познания позволяет увидеть границу между личностью и ее цифровым двойником, указывая на то, что истинный экзистенциальный опыт всегда остается принципиально некоммодифицируемым в своей полноте.

Надежда, прошедшая деконструкцию, перестает быть обещанием «все будет хорошо» и перестает быть линейной опорой на будущий результат. Она теряет форму гарантии, утешительного нарратива и морального долга «надеяться». Остается не ликование и не капитуляция, а более трезвый режим присутствия: способность жить без метафизической страховки, не закрывая при этом будущего.

В этом виде надежда ближе к практике, чем к убеждению. Она не утверждает, что смысл уже есть или обязательно появится; она удерживает возможность смысла как рабочую гипотезу, не превращая ее в догму. Деконструкция вскрывает, что привычная надежда часто была скрытой формой контроля: «если я буду правильно верить/ждать/терпеть, мир обязан ответить». Когда это ожидание разрушается, надежда становится менее торгующейся с реальностью и более совместимой с неопределенностью.

Отсюда возникает осцилляция как способ бытия. Осцилляция – не метание из слабости, а ритм существования между полюсами, которые невозможно навсегда примирить: смысл и бессмыслица, действие и бессилие, доверие и подозрение, принятие и сопротивление. Не

синтез, а движение. В таком режиме человек не требует от себя постоянной цельности; он допускает смену состояний как условие живого контакта с миром.

Эта осцилляция может быть понята как экзистенциальная «динамическая устойчивость». Как велосипед держится не за счет неподвижности, а за счет движения, так и субъект удерживает себя не фиксированной картиной будущего, а регулярным возвращением к минимальным опорам: что я могу сделать сейчас, что я могу выдержать, что я могу не предать в себе, даже если исход неизвестен. Надежда после деконструкции не обещает результата, она обеспечивает повторяемость попытки.

Тогда надежда и отчаяние оказываются не врагами, а соседними фазами. Отчаяние сообщает правду о разрыве между желаемым и действительным; надежда – это способность не превратить эту правду в окончательный приговор. Осцилляция удерживает обе правды, не позволяя ни одной стать тотальной. Это не «середина» и не компромисс, а умение переходить: иногда – отрезвляться, иногда – снова рисковать.

Практически это выглядит как жизнь в двух временных масштабах одновременно. В коротком масштабе – дисциплина присутствия: маленькие действия, забота о теле, разговор, работа, границы, конкретная помощь. В длинном – отказ от закрытия будущего: «я не знаю, чем закончится, но я оставляю место для изменения». Между ними и происходит осцилляция: то мы спускаемся в конкретику, то поднимаемся к горизонту, не превращая горизонт в иллюзию.

Можно сказать, что «надежда после деконструкции» – это не свет в конце тоннеля, а способность идти, когда света может не быть. А осцилляция – форма этой способности: ритм возвращения к действию после провалов, ритм удерживания смысла без гарантии, ритм жизни в мире, который не обязан быть понятным, но все еще может быть обитаемым.

Надежда после деконструкции – это не возврат к наивной метафизике присутствия, а радикальное удержание возможности невозможного (Деррида). Она возникает не вопреки, а благодаря признанию фундаментальной неполноты, разрыва, апории. Отчаяние в этом контексте – не патология, а честное свидетельство о разрыве между означаемым и означающим, между проектом и миром. Осцилляция между надеждой и отчаянием – это не слабость, а форма мышления, отказывающегося от диалектического синтеза. Она соответствует хайдеггеровскому «бытию-к-смерти»: только приняв радикальную конечность, можно открыться подлинной возможности. Надежда здесь – не телеологическая гарантия, а этический жест: действовать «как если бы», сохраняя верность событию, которое всегда еще не наступило.

Выводы

– Абсурд эволюционирует от тупика Камю к ироничному инструменту навигации. В цифровую эпоху он перестает быть трагедией, становясь игрой в отчаяние – осознанным перформансом, сочетающим серьезность и иронию, искренность и дистанцирование.

– Экзистенциальный кризис выходит из приватной сферы в публичную, превращаясь в социальный перформанс для валидации и монетизации. Алгоритмы усиливают драматизацию, заменяя подлинный поиск смысла имитацией в рамках сетевых клише.

– Абсурд выступает защитой от симулякров: через гиперболизацию, имитацию и эстетизацию хаоса субъект дистанцируется от навязанных сценариев, сохраняя агентность и разоблачая искусственность публичности.

– Новый абсурд порождает избыточность смыслов, где подлинность смещается в «невыразимое» – то, что остается за кадром. Это метод познания, вскрывающий границу между субъектом и цифровым двойником.

– Надежда теряет форму гарантии, становясь рабочей гипотезой и этическим жестом «как если бы». Она совместима с неопределенностью, обеспечивая повторяемость попыток без телеологической иллюзии.

– Осцилляция между надеждой и отчаянием – ритм бытия в двух масштабах: краткосрочная дисциплина присутствия и долгосрочная открытость к невозможному. Это не синтез, а движение, удерживающее обе правды без тотальности, соответствующее постдиалектическому мышлению (Деррида, Хайдеггер).

Таким образом, метамодернистский абсурд превращает экзистенциальный разрыв в ресурс для жизни в гиперреальности: игра позволяет ориентировать хаос, осцилляция обеспечивает устойчивость, а деконструированная надежда – этическую верность миру без страховки.

Список источников

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation / Пер. с франц. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
2. *Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден.* Заметки о метамодернизме / Пер. с англ. А.В. Павлова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 5. С. 131–152.
3. *Гройс Б.* Публичное пространство: от пустоты к тотальному присутствию // Политическая воображаемое. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 224 с.
4. *Делез Ж.* Логика смысла / Пер. с франц. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
5. *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
6. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с франц. С.И. Великовского. М.: АСТ, 2021. 224 с.
7. *Кьеркегор С.* Или – или. Фрагмент из жизни. В 2 ч. / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: Изд-во РХГИ, 2011. 824 с.
8. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с франц. В.В. Кузнецова. М.: Элитариум; Владимир: Рост, 2001. 336 с.
9. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с франц. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
11. *Han Byung-Chul.* The Burnout Society. Stanford: Stanford Briefs, 2015. 60 p.
12. *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991. 461 p.
13. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / Ed. by R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London: Rowman & Littlefield International, 2017. 250 p.
14. *Srnicek N.* Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2016. 120 p.
15. *Zizek S.* The Plague of Fantasies. London: Verso, 1997. 248 p.

References

1. *Baudrillard J.* Simulacra and simulation = Simulacra and simulation / Translated from English and French by A. Kachalova, M.: Postum, 2015. 240 p.
2. *Vermeulen T., Acker R. van den.* Notes on metamodernism / Translated from English by A.V. Pavlov // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2015. No. 5. P. 131-152.
3. *Groys B.* Public space: from emptiness to total presence // Political imaginary. M.: LLC “Ad Marginem Press”, 2013. 224 p.
4. *Deleuze J.* The Logic of meaning / Translated from French by Ya.I. Svirsky. M.: Academic Project, 2011. 472 p.
5. *Derrida J.* About grammatology / Translated from French by N.S. Avtonomova. M.: Ad Marginem, 2000. 511 p.
6. *Camus A.* The Myth of Sisyphus. An essay on the absurd / Translated from French by S.I. Velikovsky. M.: AST, 2021. 224 p.

7. *Kierkegaard S.* Either–or. A fragment from life. In 2 parts / Translated from Danish by N. Isaeva, S. Isaeva. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2011. 824 p.
8. *Lipovetsky J.* The age of emptiness. An essay on modern individualism / Translated from French by V.V. Kuznetsova, M.: Elitium; Vladimir: Rost, 2001. 336 p.
9. *Sartre J.-P.* Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology / Translated from French by V.I. Kolyadko. M.: Respublika, 2000. 639 p.
10. Heidegger M. Genesis and time / Translated from German by V.V. Bibikhina. M.: Academic Project, 2015. 460 p.
11. *Han Byung Chol.* The society of emotional burnout. Stanford: Stanford Briefs, 2015. 60 p.
12. *Jameson F.* Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 1991. 461 p.
13. Metamodernism: historicity, influence and depth after postmodernism / Edited by R. van den Acker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London: Rowman & Littlefield International, 2017. 250 p.
14. *Srnicek N.* Platform capitalism. Cambridge: Polity Press, 2016. 120 p.
15. *Zizek S.* The plague of fantasies. London: Verso, 1997. 248 p.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 22.04.2026.
The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 22.04.2026.